

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

Съ доставкой и пересылкою: на годъ для городскихъ подписчиковъ — 11 руб. 50 коп., на полгода 6 руб., для иногороднихъ на годъ — 13 руб., на полгода — 7 руб.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — 1/4 коп. за букву, шрифтомъ двойной величины — 1/2 коп. и т. д.

КАВКАЗЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Тифлисе — въ конторѣ редакціи, въ домѣ Хосроева, на Вельяминовской улицѣ.

Контора открыта ежедневно съ 9 ч. утра до 2 по полудню и съ 6 до 8 ч. вечера.

Редакторъ принимаетъ посетителей ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 12 до 2 ч. по полудню.

Въ конторѣ газеты «Кавказъ» и въ мѣстахъ розничной продажи этой газеты ПРОДАЕТСЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ. Цѣна 30 коп.

Десять процентовъ отъ вырученной суммы назначаются въ пользу Общества Краснаго Креста.

На дняхъ выйдетъ карта Азіатской Турціи.

Тифлиссій Дамскій Комитетъ при Кавказскомъ окружномъ управленіи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ объявляетъ, что пожертвованія въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ принимаются въ Департаментѣ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, коллежскимъ асессоромъ Кузьмою Ивановичемъ Мулиннымъ, завѣдывающимъ складомъ Комитета.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «КАВКАЗА».

Въ конторѣ редакціи газеты «Кавказъ» открытъ приемъ денежныхъ пожертвованій въ пользу Общества Краснаго Креста. О всѣхъ жертвованіяхъ и объ именахъ жертвователей, по желанію послѣднихъ, будетъ публикуемо въ газетѣ.

ОФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Поти, 22 апрѣля. Изъ Батума прошли, мимо Поти, по направлению вдоль берега, три турецкихъ броненосныхъ фрегата, сдѣлавшіе нѣсколько выстрѣловъ.

Новороссійскъ, 21 апрѣля. Подходящіе къ Адлеру семь турецкихъ пароходовъ ушли въ море, не принимая ничего.

Высочайшіе приказы по Кавказскому военному округу.

Апрѣля 7-го дня, въ С.-Петербургѣ. Началось: по Пхотѣ: Командиръ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіоръ Шелемѣевъ; Командиромъ 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, на мѣсто Генералъ-Маіора Цитовича, а сей послѣдній — Командиромъ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи. Переводятся: по Пхотѣ: въ постоянный составъ Запасныхъ пѣхотныхъ батальоновъ: пѣхотныхъ полковъ: семидесяти седьмого: 77-го Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича: Капитанъ Суворинъ, Штабсъ-Капитанъ: Сафоновъ, Горейскій, Поручикъ Чаплинъ и Подпоручикъ Селезневъ; семидесяти восьмого: 78-го Навагинскаго: Капитанъ Марійскій, Штабсъ-Капитанъ: Островскій, Шенелевичъ, Поручикъ Польскій и Подпоручикъ Мажковъ; семидесяти девятого: 79 Куринскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича: Капитанъ Васильевъ, Штабсъ-Капитанъ: Листинеръ, Поздеевъ, Поручикъ Могилинскій и Подпоручикъ Чейкинъ; восьмидесятого: 80-го Кабардинскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Барятинскаго: Капитанъ Мещеряковъ, Штабсъ-Капитанъ: Пржедѣльскій, Саско, Поручикъ Яблонскій и Подпоручикъ Мидатевъ; восьмидесяти

перваго: 157-го Имеретинскаго: Капитанъ Прокофьевъ, Штабсъ-Капитанъ: Поповичскій, Верилевъ, Поручикъ Колосовскій и Подпоручикъ Ситицкинъ; восьмидесяти втораго: 158-го Кутаисскаго: Капитанъ Паулаковъ, Штабсъ-Капитанъ: Пальчевскій, Поручикъ: Лисенковъ, Савицкий и Подпоручикъ Кресинъ; восьмидесяти третьяго: 159-го Гурійскаго: Капитанъ Простяковъ, Штабсъ-Капитанъ: Билекий, Анисимъ-Бекъ-Пурали-Бекъовъ, Поручикъ Великопольскій и Подпоручикъ Савельевъ; восьмидесяти четвертаго: 160-го Абхазскаго: Капитанъ Остолоповъ, Штабсъ-Капитанъ: Кочневъ, Ильиневичъ, Поручикъ Дергачевъ и Подпоручикъ Гертель.

Апрѣля 8-го дня, въ Луцкѣ. Переводятся: по Кавалеріи: 15-го Драгунскаго Тирескаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка Штабсъ-Капитанъ Абдурагимъ-Бекъ Зейманъ-Бекъ-оглы-Визировъ — въ Пушкинскій мѣстный батальонъ.

Апрѣля 9-го дня, въ Бѣлостоцкѣ. Исключаются изъ списковъ, умершіе: членовъ: изъ Армейской Кавалеріи, состоявшій при Кавказской Арміи Генералъ-Маіоръ Джафаръ-Али-Али-Бекъ-Шамсудинъ-Али-оглы; исправляющій должность производителя строительныхъ и дорожныхъ работъ Сухумскаго отряда Чинюникъ на усиліе Кавказскаго Горскаго Управленія Маіоръ Иванюкскій; 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка Маіоръ Гамзатуровъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Перемѣщается: учитель Лаинской горской школы Цустовичъ — учителемъ параллельнаго отдѣленія въ первомъ классѣ Екаторинскаго двухкласснаго училища, съ 16 апрѣля сего года.

Уволены: смотритель Пушкинской тюрьмы отставной унтер-офицеръ Посоловъ — отъ настоящей должности, а на его мѣсто определенъ отставной капитанъ Воиновъ, оба съ 8-го апрѣля сего года; постановленіемъ Шемякинскаго уезднаго начальнаго, состоявшимся на 12 апрѣля, сверхъ-штатный чиновникъ IX класса Шемякинскаго уезднаго управленія Рустамъ-Бекъ-Лахмевъ — отъ должности и вовсе отъ службы.

Удѣлены: сверхъ-штатный чиновникъ Енисейскаго губернскаго правленія, коллежскій регистраторъ Мосеевъ Теръ-Саркисовъ и канцелярскій служитель того же правленія Григорій Теръ-Гукасовъ — вовсе отъ службы, первый за неявку къ должности, а послѣдній за неявку въ срокъ изъ отпуску, съ 31 марта 1877 г.

ПОПРАВКА. Въ № 73 газеты «Кавказъ» вкралась ошибка. Напечатано: производствомъ изъ португей-юнкеровъ въ Прапорщики: Шервашидзе, Климова, Гостынского и Урбанскаго; слѣдуетъ читать: Произведены изъ Капитановъ въ Маіоры.

НЕОФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

ГАЗЕТЫ «КАВКАЗЪ».

(бывшія въ «Приавленіяхъ»).

Отъ спеціальнаго агентства.

Кіевъ, 22 апрѣля. Государь Императоръ отправился въ Москву.

Кишиневъ, 22 апрѣля. Движеніе впередъ продолжается безпрепятственно. Въ Румыніи встрѣчаютъ войска сочувственно. Турки ничего не предпринимаютъ противъ нашихъ войскъ, занимающихъ прибрежные пункты Нижняго Дуная и нигдѣ не пытаются переправиться.

Бѣлградъ, 22 апрѣля. Заключенъ заемъ въ 12 миллионъ франковъ.

Отъ агентства Гаваса.

Константинополь, 20 апрѣля (2 мая). Генералиссимусу Дунайской арміи предписано въ случаѣ надобности воспретить судокорство и реквизировать суда.

Бухарестъ, 20 апрѣля (2 мая). Князь Карлъ отправился осматривать войска въ

Вѣдомость о движеніи бумагъ у лицъ, прокурорскаго надзора, за первую треть 1876 года.

Вѣдомость о движеніи бумагъ у лицъ, прокурорскаго надзора, за первую треть 1876 года.	Кутаисскаго.	Бакинскаго.	Орбанинскіе.	Самаринскіе.	Енисейскіе.	Владимирскіе.	Екатеринбургскіе.
Всего вступило бумагъ.....	4,186	2,137	3,274	2,755	2,467	1,400	3,061
Принято, въ свѣдѣніе и приобщено къ дѣламъ.....	1,512	935	911	2,136	1,284	422	772
Сколько получило движенія посылкою отъ вѣдомъ.....	2,633	1,044	2,360	558	1,183	968	1,745
Осталось неоконченными къ втораго третей 1876 года.....	41	158	3	61	—	10	544

Вѣдомость о дѣятельности прокурорскаго надзора по уголовнымъ дѣламъ, отпечатанная въ № 72 газеты «Кавказъ», относится къ первой трети 1876 года.

По ихъ свѣдѣніямъ, пароходы нагружаются оружіемъ и боевыми запасами, посылаемыми на островъ Мальту и въ Гибралтаръ.

Вѣна, 21 апрѣля (3 мая). Вчера, вслѣдствіе сильныхъ дождей и разлитія рѣкъ, желѣзная дорога, соединяющая Кишиневъ съ Яссы, совершенно наводнена на пространствѣ отъ Унгени до Яссы, и мѣстами размыта.

Лондонъ, 21 апрѣля (3 мая). Англійскій банкъ повысилъ дисконтъ до 3%.

Парижъ, 21 апрѣля (3 мая). Портъ протестовалъ противъ поведенія Румыніи, допустившей Россію занять территорію княжества.

Турецкіе мониторы попытались вчера бомбардировать Браиловъ, но вынуждены были русскими удалиться.

(новы).

Константинополь, 22 апрѣля (4 мая). Вчера Оттоманская Порта объявила блокаду всего русскаго побережья Чернаго моря. Срокъ входа постановленъ трехдневный, а выхода — пятидневный.

Лондонъ, 22 апрѣля (4 мая). Въ вечернемъ засѣданіи палаты общины Эдхо предложилъ поправку, которая порицаетъ вооруженное вмѣшательство иностранной державы во внутреннія дѣла Турціи, и съ тѣмъ вмѣстѣ одобряетъ мѣры осторожности, принимаемыя англійскимъ правительствомъ. Утверждаютъ, что эта поправка будетъ поддержана въ парламентѣ правительствомъ; въ такомъ случаѣ она приобритетъ въ высшей степени важное значеніе.

Каиръ, 22 апрѣля (4 мая). Комитетъ нотаблей рѣшилъ ассигновать двѣнадцать миллионъ на военныя издержки. Вслѣдствіе этого рѣшенія, египетская дивизія въ 8,000 человекъ, въ настоящее время находящаяся въ Турціи, будетъ увеличена до 12,000 чел. Остальная часть египетскаго контингента не будетъ послана въ Турцію, а останется въ Египтѣ, съ дѣлюю защищать неприкосновенность Суэзскаго канала.

Обнародованные бюллетени международнаго телеграфнаго агентства сообщаютъ слѣдующія дѣла:

Константинополь, 20 апрѣля (2 мая). Генералиссимусу Дунайской арміи предписано въ случаѣ надобности воспретить судокорство и реквизировать суда.

Бухарестъ, 20 апрѣля (2 мая). Князь Карлъ отправился осматривать войска въ

окрестностяхъ Бухареста; Браилавъ ухаживалъ вечеромъ въ Кишиневъ.

Бухарестъ, 21 апрѣля (3 мая). У Браилова была перестрѣлка между русскими батареями и тремя турецкими мониторами. Турки бомбардировали городъ, однако огонь русскихъ заставилъ ихъ удалиться. Число убитыхъ обѣихъ сторонъ пока неизвѣстно.

Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи. Главная Квартира г. Кишиневъ, 12-го апрѣля. № 34.

Сотни лѣтъ тѣготѣтъ иго турецкое надъ христианами — братьями нашими.

Горька ихъ неволя. Все, что дорого человеку — Святая Вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро — все поругано, осквернено невѣрными.

Не выдержали, несчастные, востали противъ угнетателей, и вотъ уже два года лѣется кровь христианская; города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены; населеніе нинѣхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христианъ остались безуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась.

Послѣднее слово Царское сказано: Война Турціи объявлена.

Войска вѣрнойной Милъ Арміи! Намъ выпала доля — исполнить волю Царскую и Свѣтой Завѣтъ предковъ нашихъ.

Не для зарепашии идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту Вѣры Христовой.

Итакъ: Впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ.

Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да, будетъ оно и нынѣ такъ же горно, какъ въ былые годы. Да не останутся насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкой врага.

Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для насъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволить себѣ произвола.

Въ этомъ отношеніи, я требую отъ всѣхъ и каждого самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ — наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой прошло не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то же гостеприимство, какъ и предки, и отцы наши.

Я требую, чтобы за то все чины платили, братья, и друзья, нашимъ, полною дружною охраною ихъ порядковъ и безотвѣтною помощью противъ турокъ, а когда потребуются, то и защитили ихъ дома, такъ же какъ свои собственные.

Приказъ сей прочтете во всѣхъ ротяхъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ.

Подписалъ: Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею, Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи и по Инженерной части.

НИКОЛАЙ.

Поведеніе Германіи становится все яснѣе и яснѣе. Эта держава очевидно принимаетъ военный и дружественный Россіи видъ.

Требованіе Мольте объ увеличеніи военнаго бюджета, уваженное имперскимъ сеймомъ, говоритъ само за себя. Въ то же время пропущенъ слухъ, что отпускинные чины Германіи, находившіеся въ Англіи, внезапно получили приказъ явиться въ свои полки; а дарштадтскому ландверу повелѣно немедленно собраться для двухнедельнаго учения, и когда этотъ ландверъ обнаружилъ изумленіе, ему объявили, что онъ долженъ слѣдовать призыву отечества.

Рядомъ съ этимъ, офиціальныя органы Пруссіи не перестаютъ защищать Россію отъ нападокъ западной печати. Конечно, неофициальная Германія думаетъ совсѣмъ иначе. «Kölnische Zeitung» становится все неприличнѣе и вѣстаетъ и не вѣстаетъ старается оскорблять Россію. Она напечатала статью о «русскихъ манифестахъ», о томъ которой можно судить по слѣдующему заключенію: «Повторяемъ, несправедливая война есть преступленіе противъ человѣчества, хотя бы ее объявила держава. Государь которой часто оказывался другомъ Германіи». «Köln. Zeit.» уже успѣла дойти до того, что ей не нравится даже враждебный намъ, но сдержанный (послѣ увѣщаній правительства и Тьера) тонъ французскихъ газетъ. Послѣдняя, по ея мнѣнію, въ вѣдѣхъ стала глупѣе, кромѣ тѣхъ турецкаго органа, «Journ. des Débats», который «разоблачаетъ» русскія козни и коварство (russische Schlaupheiten und Pöffe).

3. Австро-Венгрія и другіе, и врагъ Россіи.

Выяснены и положеніе Австріи. И здѣсь замѣчаемъ противорѣчіе, но не между правительствомъ и обществомъ, а между Вѣной и Пештомомъ, причемъ побѣда также склоняется на сторону суда надъ Турціей. Какъ мы говорили прежде юбилей эрцгерцога Альбрехта, послужилъ воинственною и анти-турецкою манифестаціей. И онъ сопровождался такимъ заявленіемъ офиціальнаго «Fremdenblatt»: Эрцгерцогъ дѣйствительно признаетъ все значеніе союза съ Россіей въ эту критическую минуту; онъ желаетъ, чтобы и этотъ союзъ, и союзъ трехъ императоровъ сохранился на благо Австріи. Въ это же время прибылъ на юбилей Альбрехта, посланецъ Русскаго Императора, князь Мещерскій, а въ газетахъ распространился слухъ, что самого эрцгерцога ожидаютъ въ Кишиневѣ. Вообще въ Вѣнѣ до того увлечены идеей «союзнаго дѣйствія съ Россіей», что ее раздѣляютъ даже враги наши. Послѣдніе прикрываются ново-изобрѣтеннымъ политическимъ терминомъ: «Нужно идти за оное съ Россіей, чтобы обезопасить себя со стороны Россіи». Новая австрійская идея поддерживается необыкновеннымъ одушевленіемъ.

*) См. также въ № 72 «Кавказа» статью «Политическое Австріи».

емъ, которое овладало южными славянами Австрии, когда русско-турецкая война стала очевидною. «Славяне въ Каринтии, Крайне, Петрии и южной Штирии» — говорит *Köln. Zeit.* — очень обрадованы. Ихъ воодушевленная молодежь бросилась къ русскому посольству въ Вѣнѣ, просясь на службу въ русскую армию; но, конечно, получила рѣшительный отказъ. Еще сильнѣе волнение въ Далмацин. Изъ Боснии Катарской тысячи желаютъ поспѣшить на помощь черногорцамъ. Повсюду полоніе натиноуе, даже тѣмъ же. Какое же видѣть все это маляркамъ! Они приходятъ въ ярость. Они придираются къ рѣчамъ, произнесеннымъ на юбилей Альбрехта — «старо-австрийскому солдатскому духу» (вмѣсто «конституционныхъ убѣждений»), къ «Австрии» (вмѣсто «всей монархій») и т. под. Въ Пештѣ ожидаются «комшутевскія» выходки. И есть хороший предлогъ къ нимъ. Въ эту минуту турецкіе депутаты и члены вѣдутъ въ Пештѣ, чтобы отбѣдѣ визитъ малярскимъ студентамъ.

4) Почему Румыніа за Россію? Румыніа вышла изъ невѣроятной роли. Кромѣ вліянія могущества Россіи, это объясняется на западъ еще нѣкоторыми любезностями съ нашей стороны. Говорятъ, Россія обидѣлась возвести это княжество на степень королевства. Сверхъ того, Россія уступила въ многотѣмъ споръ съ Румыніей изъ-за имущества многихъ православныхъ монастырей въ княжествѣ, бывшихъ подъ ея покровительствомъ. Наконецъ, говорятъ, что русскіе купили на дѣлахъ у Румыніи большіе запасы хлеба и фуража, платя наличными деньгами, а это доставляетъ бѣдному княжеству средства для мобилизаціи арміи.

НОВОСТИ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

— Въ *Правит. Вѣст.* помѣщена слѣдующая депеша:

Кішиневъ, 15-го апрѣля. Государь Императоръ, во время пребыванія въ Кішиневѣ, изволилъ осматривать военно-временныя госпитали и побѣдѣ мѣстный лазаретъ и духовное училище. Сегодня утромъ прибылъ въ Кішиневъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Прѣхавшій вчера генералъ Черилевъ представлялся сегодня Августѣйшему Главнокомандующему. Лондонъ, 14-го (26-го) апрѣля. Полученная отъ Ллойда телеграмма изъ Суллы, отъ 25-го апрѣля, сообщаетъ, что туда прибыло пять турецкихъ броненосцевъ. Изъ нихъ четыре остались на рейдѣ, а одинъ вошелъ въ гавань.

Землинъ, 14-го (26-го) апрѣля. Великій князь, сообщивъ князю Милану о послѣдовавшемъ со стороны Россіи объявленіи войны, потребовала, чтобы Сербія, при сохраненіи нейтралитета, разрѣшила однако турецкимъ войскамъ пройти черезъ Неготинъ, Радувацъ и Кладово въ Румынію. Одновременно съ тѣмъ турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ-паша телеграфировалъ полковнику Хорватовичу, въ Неготинѣ, извѣщая его, что турки займутъ стратегическіе пункты на Дунаѣ, преимущественно Кладово. Хорватовичъ тотчасъ же потребовалъ изъ Бѣлграда присылки трехъ бригадъ подкрѣпленія. Сербское правительство заявило въ Константинополѣ, что оно воспринимаетъ прохожденіе турецкихъ войскъ черезъ Сербію. На происходившемъ сегодня засѣданіи совѣта сербскихъ министровъ было рѣшено обратиться за содѣйствіемъ къ Россіи, направить войска къ Неготину и создать милицію перваго класса. Иностраннымъ офицерамъ предписано отправиться въ Кладово. Добровольцы вернутся открыто; начальство надъ ними приметъ полковникъ Вайковичъ. Въ Бѣлградѣ со вчерашняго дня засѣдаютъ отборъ скупщины.

Бюсселе, 14-го (26-го) апрѣля. По поводу слѣдующихъ газетныхъ замѣчаній, что въ документахъ, обнаруженныхъ русскими правительствомъ, не заключаются никакихъ обязательствъ касательно случайности земельнаго расшарпанія Россіи, газета *Nord* говоритъ: «Удивительна этому нечего. Естественно, что Россія не желаетъ заранее связывать себя руки опредѣленнымъ заявленіемъ, такъ какъ этимъ она лишила бы себя одного изъ средствъ для дѣйствія противъ ея противника. Тѣмъ не менѣе, дѣйствія Россіи остаются проникнутыми тѣмъ духомъ, который видѣнъ изъ постоянного направленія ея политики».

Берлинъ, 14-го (26-го) апрѣля. Въ германскомъ парламентѣ происходило третье чтеніе бюджета. Во время преній ультрамонтанъ Тѣргъ, говоря о политическомъ положеніи дѣла, выразилъ, что онъ одобряетъ политику Россіи, пока она держится вдалекѣ отъ панславистской идеи. Видноретъ также говорилъ противъ панславизма. Ласкеръ указывалъ на наибольшее довѣріе всѣхъ партій къ политикѣ имперскаго канцлера. Ораторъ заявилъ, что въ рѣчи графа Мольтеке онъ не нашелъ ни малѣйшей угрозы; рѣчь эта, по мнѣнію Ласкера, скорѣе свидѣтельству о явномъ миролюбивой политикѣ Германіи. Германія — заключилъ ораторъ — всегда будетъ поминать о своей мирной миссіи. Мы знаемъ, что князь Бисмаркъ служилъ достаточно по-

нимъ представителемъ этой миссіи. Графъ Мольтеке выразилъ Ласкеру благодарность за то, что онъ объяснилъ его недавнюю рѣчь, можетъ быть, лучше, чѣмъ сдѣлалъ бы самъ Мольтеке. «Когда я говорилъ — продолжалъ сѣдмаршалъ — что значительныя части французской арміи стоятъ очень близко къ германской границѣ, то мнѣ слѣдовало прибавить, что въ противоположность тому германскіе полки распределены по всей имперіи равномерно; говоря же, что поэтому Германія, рано или поздно, должна будетъ принять соотвѣтственные мѣры, я хотѣлъ указать лишь на такіе мѣры, которые не имѣютъ наступательнаго характера. Въ началѣ моей рѣчи я сказалъ, что политику нашу я понимаю въ томъ смыслѣ, что она необходимо должна быть мирною, причѣмъ, однако, намъ не слѣдуетъ совершенно отказываться отъ свободы дѣйствій». Палата встрѣтила рѣчь Мольтеке громкимъ одобреніемъ.

ПО ПОВОДУ НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ.

Въ настоящія минуты, въ виду совершающихся передъ нами кровавыхъ событій, прямой обязанностью какъ всякаго русскаго, такъ и всего вообще населенія имперіи, является забота объ обезпеченіи нуждъ и потребностей тѣхъ, которые приносятъ свою жизнь на алтарь отечества. Сознаніе этой нравственной необходимости уже успѣло проникнуть во все слои русскаго общества, что видно изъ тѣхъ пожертвованій, которыми съ первыхъ звуковъ войны, стали поступать ко всѣмъ конвоямъ Россіи на устройство госпиталей, санитарныхъ отрядовъ и вообще для помощи раненымъ. Но, кромѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, есть не мало и другихъ военно-административныхъ операций, вызываемыхъ войною, въ которыхъ возможно и желательно участіе всего русскаго народа. Такъ, напримеръ, было бы вполне справедливымъ участіе народа въ довольствіи дѣйствующей арміи всѣмъ для нея необходимымъ, такъ какъ эта армія, по весьма справедливому замѣчанію *Голоса, есть плоть и кровь русскаго народа*.

Въ Цѣвисконъ Введенскомъ монастырѣ, по словамъ *Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, 60 сестеръ, способныхъ для ухода за больными и ранеными воинами, изыскали готовность на это человеколюбивое дѣло.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ изъ Одессы сообщаютъ о томъ, какъ сочувственно отнеслись крестьяне къ поставкѣ погонцевъ для военныхъ надобностей. Большей частью положено выставить по одной подводѣ на 100 душъ. Въ настоящее время говоритъ корреспондентъ, эти же общества спросили, что они пожелаютъ взять собственно за погонца, имѣя въ виду, что лошадей и человека будетъ кормить казна. Русскіе отвѣтили, что 50—60 рублей, а нѣмцы, конечно не все, остановились на 100, 150 и 300 рубляхъ.

Въ ту же газету пишутъ изъ Харькова, что 13-го апрѣля черезъ этотъ городъ проходилъ въ Москву, съ экстреннымъ поводомъ, одесскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Изъ напечатанныхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* свѣдѣній о ходѣ занятій комитетомъ военнаго вѣдомства видно, что въ марѣ, главный военно-координационный комитетъ разсмотрѣлъ между прочимъ, проектъ положенія о заведывающихъ подводными минами въ портахъ Балтійскаго и Чернаго морей и о минныхъ ротахъ Кронштадтской и Керченской.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Бакинскія Извѣстія сообщаютъ, что, не смотря на недавно открывшійся непрерывный нефтяной фонтанъ, нефть опять поднимается въ цѣнѣ, потому что нести изъ фонтана никто не покупаетъ. Эта нефть оказалась очень плохого качества: изъ пяти пудовъ сырой нести получается только одинъ пудъ топлива. Въ настоящее время сырая нефть (но не изъ фонтана) продается около 10 коп. пудъ, и газета думаетъ, что цѣна подымется еще выше.

Въ газетѣ *Новое Время* передаютъ, что по Высочайшему повелѣнію, бракоразводныя дѣла должны будутъ, не ожидая разрѣшенія вопроса о духовно-судебной реформѣ вообще, изъ вѣдѣнія консисторій перейти на разсмотрѣніе специальной комиссіи, составленной по Высочайшей волѣ изъ лицъ принадлежащихъ къ высшимъ правительственнымъ инстанціямъ, съ тою дѣлю, чтобы комиссія, выработавъ болѣе правильныя основы новаго законодательства для производства бракоразводныхъ дѣлъ, внесла ихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Мѣра эта, по слухамъ, вызвана множественнымъ злоупотребленіемъ въ консисторіяхъ, особенно въ петербургской и московской.

— По словамъ *Спб. Вѣд.*, государственныя банки отнынѣ не будутъ платить 2% по суммамъ, находящимся у него на текущемъ счету отъ частныхъ коммерческихъ банковъ.

АЛЕКСАНДРАПОЛЬ. 7-го апрѣля 1877 года (корр. Кавказа). Изъ прошлаго письма моего вы могли видѣть, что я вовсе не располагалъ писать вамъ объ осмотрѣ войскъ Государемъ Великимъ Княземъ. Причина того вамъ хорошо извѣстна: не принадлежа къ военному сословию, которое играетъ главную роль въ подобныхъ случаяхъ, и не имѣя точнаго понятія о тонкостяхъ военнаго дѣла, я часто затрудняюсь въ выборѣ подробностей, часто пропускаю важное и останавливаюсь на ничтожномъ эпизодѣ. Словомъ, у меня нѣтъ военного чутья. Но то, чему свидѣтельствъ я былъ сегодня, до того выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ военныхъ зрѣлищъ, что я не могу удержаться, чтобы не попробовать изобразить вамъ, хотя неумѣлымъ въ военномъ дѣлѣ перомъ, то потрясающее впечатлѣніе, которое произвело на меня видѣнъ нашей Кавказской арміи, часть которой собрана у Александрополя.

Совершенно нечаянно я узналъ, что Его Императорское Высочество Главнокомандующій назначилъ смотръ нѣкоторымъ частямъ войскъ дѣйствующаго корпуса на 7 апрѣля, въ 9 верстахъ отъ города, близъ лагеря 1-й бригады Кавказской Гренадерской дивизіи и пограничнаго селенія Дагарлы. Я вдумалъ воспользоваться случаемъ, какъ говорить французы, *pour faire d'une pierre deux sauts*, т. е. совершить прогулку по мало-знакомой еще мнѣ мѣстности, и собственными глазами взглянуть на теперешніе наши Кавказскія войска, которыми, быть можетъ, въ очень близкомъ будущемъ выйдетъ на долю важную роль въ военныхъ событіяхъ, роль рѣшителей гордѣе узла восточнаго вопроса. Съ превеликимъ трудомъ раздобылся я сапожникомъ, запряженнымъ парой тощихъ клачей, очевидно считавшихъ въ числѣ своихъ восходящихъ по прямой линіи родственныхъ безсмертнаго Россинанта. Зато возникла мой былъ до нѣльзя живописный: грязный, обрванный, въ какомъ-то призракѣ мѣховой шапки на головѣ, онъ такъ и просился на картину. Его смуглое съ рѣзкими чертами лицо, выразительныя черныя глаза, гигантскіе усы и черные какъ смоль курчавые волосы, составляли одно гармоническое цѣлое, чрезвычайно напоминавшее превосходные типы покойнаго Герцельдта. Дотошный фаворитъ, упрямъ, связанный веревками, и лошади, невольно наводившія меня на мысль о семи тощихъ коровахъ Фарана, — все было одно другому подлѣстѣ. Были мы весьма стеснены, далеко не свѣжа, что называется, въ Россіи «молоко везли», но я на это вовсе не претендовалъ. Времени было вволю: мы выехали изъ города въ 9 часовъ утра, а смотръ былъ назначенъ въ 11. Притомъ утро было прелестное: все было тихо, не чувствовалось ни малѣйшаго дуновения вѣтра; въ воздухѣ, освѣженномъ вчерашнимъ дождемъ, пахло ранней весной. Видъ покрытой изумрудною Арпачайской долины былъ обворожителенъ для глазъ, пригладившихся къ безплодной суровости зимы. Между зелеными бархатомъ береговъ прихотливыми изгибами извивалась серебристая лента Арпачая. По той сторонѣ рѣки тянулась, немыслимая гряда каменистыхъ возвышенностей. Тамъ и сямъ виднѣлись убогія деревушки турецкихъ армянъ, посты напѣто и турецкихъ кордоновъ, и въисемъ каньонахъ желанная дорога въ Карсъ, по которой изрѣдка прожались всадники, идя цѣлѣмъ одинокой пѣшеходъ. Дальше простиралась обширная равнина, нѣсколько возвышенностей, и заканчивалась, вдаль, на самомъ краю горизонта, естественною цѣною горъ, отрога Согандуга, въ окрестностяхъ Карса. Съ другой стороны горѣ легкою, едва замѣтною покатостью, раскинулись долины, на которой построенъ Александрополь. Она заканчивалась горами, отбѣлѣвшими се отъ долины Курмы. Бока горъ, этихъ уже обмывались отъ снѣга, и только гигантская другая вершина Алагева блистала своими вѣчными, никогда не тающими снѣжными полями подъ лучами медленно поднимавшагося по чистому небу солнца, между тѣмъ какъ по бокамъ колосса подлѣ медленно расплывалась и цѣплялась за восточные утѣсы, полупрозрачная утрення облака. Почти прямо передо мной, правыми рядами были палатки въ лагерь, выше сел. Дагарлы, и видны были шедшіе массы войскъ. Далѣе видѣлся Вагандуръ, гора, которая навѣвѣла столько печальныхъ воспоминаній. Выше его также видѣлись палатки другого лагеря. Вся дорога, по которой я ѣхалъ, была усеяна то группами конныхъ и пѣшихъ, то одинокими всадниками, горскими и деревенскими жителями, сѣдлыми по одному напарленію, со мною. Почти все вѣдѣ обгонили, по мой вознига, смотря на это се, совершенно философской точки зрѣнія, а у меня — при взглядѣ на чахоточныхъ лошадей — не хватало духу его подгонять. Въ сущности — если разоборать хорошенько — я даже былъ радъ такому медленному переѣзду, такъ какъ — въ качествѣ «мирнаго гражданина» — я ни отъ чего не могъ ожидать нагоняя, а между тѣмъ имѣлъ возможность вполнѣ насладиться природою, которую всегда высоко цѣнилъ, но еще болѣе сталъ цѣнить съ тѣхъ поръ, какъ неумолима судьба заперла меня въ четырехъ стѣнахъ того достопамятнаго сердца истыхъ циниковъ мѣста, которое почему-то называется *пристутственнымъ*.

Тѣмъ вѣдѣ — далѣе будетъ, говорятъ

русская пословица (подразумѣвается: «отъ того мѣста, куда ѣдешь»). Пословица оправдалась въ послѣднемъ смыслѣ. Я прѣхалъ чуть-ли не послѣднимъ на мѣсто смотра. Оно лежало въ 300—400 саженьяхъ отъ лагеря, нѣсколько выше его, и представляло громадное поле, совершенно ровное, слегка покатое къ востоку и — на сколько такому профессу, какъ я, дозволено объ этомъ судить — чрезвычайно удобное для маневрированія войскъ. Толпы туземцевъ, многіе верхи, уже занимали свободное мѣсто, въ сторонѣ отъ войскъ. Были и дамы (о, радость! настоящія дамы), но въ такомъ мизерномъ количествѣ, которое наши статистики обыкновенно не отмѣчаютъ въ своихъ графахъ. — Войска стояли въ строю, но свободно (кажется, надо сказать «вольнѣ»); офицеры прохаживались между рядами и передъ фронтомъ; нѣкоторые сѣлились, другіе спокойно курили или собирались въ группы; солдаты опирались, балагурили и пересмѣливались между собою. Видно было, что я не опоздалъ.

Занятый сначала выборомъ удобнаго мѣста, а потомъ (какъ отчасти грѣшный человекъ по части кисти и карандаша) невольно заинтересованный живописною, пестрою картиною, типичностью лицъ и разнообразіемъ выражений стойкой волеи, я, кромѣ толпы, и совершенно не замѣтилъ прѣзда, Великаго Князя, и сильно изумился, когда громадная команда, звуки музыки и глухой рокотъ барабановъ, неожиданно поразили мой слухъ. Окруженный блестящею свитою, сопровождаемый громкими приветственными криками, Великій Князь проѣхалъ по рядамъ, ласково приветствуя войска. Затѣмъ, вслѣдствіе принавады Его Высочества, всѣ офицеры вышли впередъ, составивъ передъ фронтомъ громадный кругъ, въ центръ котораго находился Великій Князь. Трудно было слышать, что говорилъ онъ, но — на сколько я могъ уловить Его слова — Его Императорское Высочество выразилъ свое полное и искреннее удовольствіе всѣмъ за отличное состояніе войскъ, великаго рода оружія, а также и обоза. «Я надѣюсь», говорилъ онъ между прочимъ, что старая Кавказская войска, столь прославившаяся въ прежнія турецкія кампаніи, окажутся, и нынѣ достойными своей прежней славы, а части войскъ, впервые назначенныя въ составъ дѣйствующаго корпуса, постараются заслужить столь же достойную казнь, какъ и старая Кавказская армія, считавшаяся первою боевою арміею въ мірѣ». Затѣмъ, обращаясь къ офицерамъ, онъ поочередно, Его Высочество, напоминалъ имъ битвы, въ которыхъ ихъ полки покрыли себя славой, и выразилъ надежду, что войска вполнѣ оправдаютъ высокое довѣріе и надежды, съ которыми смотрятъ на нихъ Россія, Государь и Его Царственный Братъ. Въ заключеніе, Великій Князь поручилъ офицерамъ передать свои слова солдатамъ.

Офицеры разошлись и разѣхались по своимъ частямъ. Минуты двѣ-три продолжалась тишина, но я положительно не въ состояніи выразить, что произошло, когда слова Великаго Князя были переданы солдатамъ. Это было какое-то объясненіе, восторгъ безъ границъ, ничто невыразимое словами: потрясеніе «ура» безъ конца перекатывалось по стройнымъ массамъ войскъ, тысяче-голоснымъ эхомъ отдаваясь въ береговую крутизнахъ Арпачая и неслось на «ту сторону», зарѣку, какъ близкій предвѣстникъ военной грозы, собирающейся надъ головою за-поисаго «сосѣда». Въ неизъяснимомъ восторгѣ, солдаты бросили свои кивера на воздухъ, другіе поднимали ихъ вверхъ на пятакахъ, а громовое «ура» все продолжало гремѣть, съ минуты на минуту усиливаясь. Это не было заканной восторгомъ, которымъ встрѣчаютъ иногда начальство; не было похоже это и на радость при извѣстіи о давно ожидаемомъ и желанномъ походѣ, нѣтъ, это было глубокое, могучее чувство горячей любви къ отечеству, выраженіе безконечной преданности къ Царственному Властителю Россіи, — грозный, негодующій откликъ цѣлаго народа на доносившійся съ того берега стоны страдальцевъ, братьевъ нашихъ во Христѣ...

Когда бы это все кончилось — я не могу опредѣлить, если бы не команда Великаго Князя, раздавшаяся въ минуту затиханія и усиленной передовыми войсками. Командовавший парадомъ, генералъ-майоръ князь Чавчавадзе, повторилъ команду, — и все затихло, сдерживая порывы могучаго чувства, все мгновенно покорилось дисциплинѣ. Еще новая команда, и — похъ звуку боевого марша — стройно, незыблемо двинулись «желѣзные» Кавказскіе полки, сверкая на солнцѣ густыми лѣсомъ пятаковъ. Пѣхота шла скорымъ шагомъ, повсюду, на вѣдной дистанціи. Строй за строемъ проходилъ мимо Главнокомандующаго, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-й линіи войскъ. За Гренадерской дивизіей двинулись тѣ же самые полки, съмѣшная приятныя вѣлки евои съ громомъ музыки и барабаннымъ боемъ. Впередъ всѣхъ шелъ лейбъ-Гренадерскій Армянскій Его Величества полкъ; за нимъ слѣдовали Грузинскій, Тифлискій и Мингральскій Гренадерскіе полки — цѣлѣмъ нашей Кавказской пѣхоты. Въ они, вѣзду за вѣздомъ, проходили мимо Его Высочества, поворачивали (кажется, это слово не то значить, а надо сказать «защелкивали» плечемъ впередъ) и проходили назадъ, за обозъ, стоявшій въ 6-

Дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространеніи преступныхъ сочиненій*).

(Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сѣната для разсмотрѣнія дѣла о государственныхъ преступленіяхъ).

Засѣданіе 4-го марта.

Товарищъ оберъ-прокурора К. Н. Жуковъ продолжалъ. Особое присутствіе могло убѣдиться, что по нѣкоторымъ группамъ не всѣ обвиняемые были обнаружены, а пять или шесть изъ нихъ успѣли скрыться отъ преслѣдованія, — и потъ на этихъ-то лицъ подсудимыхъ, состоящихъ на лицѣ, и желаютъ обратить вниманіе обвиненій, ссылаясь на нихъ какъ на болѣе виновныхъ. Такъ, напримеръ, по первой группѣ изъ показаній Бардиной и другихъ, данныхъ ими при дознаніи, видно, что они ссылались на вѣного Павлова, который будто-бы находился въ Москвѣ; но, не смотря на всѣ принятые мѣры, Павловъ не только не былъ розысканъ, но и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы лицо это действительно существовало. Въ третьей группѣ — кievской, пѣтъ на лицо Сидоренко и Петрова, а въ одесской — И. Григорьева. Слѣдовало ожидать, что подсудимые будутъ выставить этихъ лицъ главными по дѣлу виновными. Такъ и случилось. Съ этими показаніями подсудимыхъ слѣдуетъ поступить также, какъ и съ показаніями, равнѣ указанными. По поводу показаній подсудимыхъ нельзя не замѣтить, что при окончаніи судебного слѣдствія подсудимые давали свои объясненія въ разъясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которые они считали для себя важными. Объясненія эти не могутъ быть названы показаніями. Они давались въ формѣ разговора между защитой и подсудимыми. Разговоръ происходилъ въ такомъ родѣ: не желаетъ-ли подсудимый такой-то сказать, не опъ-ли познанимъ такую-то съ такимъ-то; не отъ такого-то ли обвиняемаго слышалъ онъ о такомъ-то обстоятельстве?... Обвиняемые, конечно, спѣшили подтвердить все то, что для защиты было необходимо. Такого рода объясненія не могутъ имѣть для дѣла никакого существеннаго значенія, и обвинитель не будетъ на нихъ останавливаться, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе защиты. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора коснулся тѣхъ медикъ уликъ, которыя, при производствѣ дознанія, въ виду отказа обвиненій отъ показаній, не могли быть точно обелѣдованы, и отъ которыхъ представитель обвинительной власти отказывался на судебномъ слѣдствіи вслѣдствіи разъ, когда не могъ убѣдиться въ правильности улики. Въ этомъ смыслѣ нѣсколько измѣнились обстоятельства, касающіяся Едуковыхъ, подсудимыхъ по тульской группѣ. Предъ началомъ судебного слѣдствія товарищъ оберъ-прокурора указывалъ на невозможность точно обелѣдовать показаніе невиннаго свидѣтеля Шукана. Обстоятельства дѣла, вытекавшія изъ этого показанія, должны были исключены изъ числа уликъ и обвиненій Едуковыхъ. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что на судебномъ слѣдствіи также измѣнились нѣкоторые обстоятельства, касающіяся Воронкова и Молодцова по кievской группѣ. Совѣтское сообщество, которое вымѣнилось въ улику Молодцову и Воронкову, не подтвердилось на судѣ показаніями свидѣтелей. По нимъ оказывается, что эти лица не жили вмѣстѣ, и такимъ образомъ выводъ обвинительнаго акта, основанный на этой уликѣ, падаетъ сама собою. Точно также товарищъ оберъ-прокурора отказался на судебномъ слѣдствіи отъ опознанія Кардашева свидѣтелемъ Веденскимъ, устанавливавшего связь между Кардашевымъ по московской и Забонинымъ по тульской группѣ. По отношенію къ Кардашеву отстраняется и другой выводъ обвинительнаго акта, а именно, посѣщеніе Кардашева Субботиннымъ въ Орлѣ. Затѣмъ всѣ остальные улики, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, остались въполнѣ неприкосновенными и даютъ полную возможность поддерживать обвиненіе во всѣхъ его существенныхъ частяхъ. Если по отношенію къ весьма немногимъ обвиняемымъ и придется нѣсколько видоизмѣнить обвиненіе, то это будетъ указано при подробномъ изложеніи уликъ къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ. Я, можетъ быть, упустить изъ виду одно или два изъ мелкихъ обстоятельствъ, измѣнившихъ свой характеръ на судебномъ слѣдствіи, сказалъ товарищъ оберъ-прокурора, хотя и вѣдь во все время надлежало замѣтить, но забывчивость возможна, въ особенности при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ настоящее. Въ такомъ случаѣ защита исправитъ ошибку, которая, можетъ быть, вкралась въ мой рѣчи, и укажетъ на обстоятельства, которые были заявлены на судебномъ слѣдствіи. Теперь я перехожу къ изложенію обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію представляющихъ предъ особымъ присутствіемъ лицъ въ организаціи тайнаго общества, имѣющаго цѣлью распространеніе революціонныхъ идей, и съ этою цѣлью распространявшихъ книги преступнаго содержанія въ средѣ рабочаго населенія.

Первая попытка къ распространенію такихъ книгъ, или, лучше сказать, первая

данная, указывающая на существованіе людей, заданныхъ указанною выше цѣлью, была обнаружена въ Москвѣ, въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1875 года. Въ то время было открыто распространеніе книгъ преступнаго содержанія на семи московскихъ фабрикахъ, а именно: Шибасева, Горячева, Носова, Тюляевыхъ, Соколова, Лазарева и Рошфоръ, причемъ задержаны и представлены въ жандармское управленіе и самыя книги, имѣющія цѣлью прямое воззваніе къ бунту и къ иному сопротивленію власти Верховной. Первымъ по времени было обнаружено распространеніе книгъ на шибасевской фабрикѣ. Работникъ этой фабрики Яковлевъ представилъ, по собственному побужденію, въ жандармское управленіе книги преступнаго содержанія и указалъ на лицъ, отъ которыхъ получены были эти книги. Вѣдѣстныя этого задержаны были задержаны обвиняемые Н. Васильевъ и Бардиновъ. Въ связи съ распространеніемъ книгъ на шибасевской фабрикѣ обнаружено также же и на фабрикѣ Горячева, гдѣ проживалъ родной братъ Бардинова, Прокофій Бардиновъ. Эти два лица удостовѣрили тѣ данныя, которыя послужили къ развитію настоящаго дѣла. Прокофій Бардиновъ при дознаніи, что видно изъ прочтѣннаго на судѣ показаній, и Яковъ Яковлевъ удостовѣрили, что Васильевъ, Бардиновъ и Петръ Алексѣевъ говорили и толковали имъ о томъ, что необходимо стараться образовывать особые кружки изъ 4, 5 лицъ, имѣющихъ цѣлью возбудить народъ къ бунту. Когда кружки эти достигнутъ того, что привлекутъ въ число своихъ членовъ отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ, то можно будетъ приступить прямо къ явному возстанію. Говорили также, что собственность должна быть обща, что дворянство, купечество и крестьянство не должны существовать, что богатыхъ и бѣдныхъ также не должно быть, а что на развалъ ихъ того общественнаго строя, который существуетъ въ настоящее время, должно водвориться царство рабочихъ. На сколько заслуживаютъ довѣрія показанія этихъ свидѣтелей, можно убѣдиться изъ правдиваго разказа свидѣтеля Яковлева, который былъ подвергнутъ подробному перекрестному допросу, и на всѣ вопросы подсудимыхъ и ихъ защитниковъ отвѣчалъ одно, что собитъ его нельзя, что онъ отправился заявить о книгахъ потому, что видѣлъ въ нихъ преступное содержаніе; что, по словамъ Бардинова, онъ получилъ эти книги отъ брата своего, который называлъ какаго-то Петра Алексѣева, передававшего ему книги, и которого онъ будто-бы не знаетъ. Между тѣмъ при дознаніи онъ указывалъ, какой Петръ Алексѣевъ снабжалъ его книгами; точно также Бардиновъ указывалъ и на Н. Васильева, а равно и на своего брата.

Въ тоже время было обнаружено распространеніе книгъ на фабрикахъ Лазарева. По показанію прикащика и рабочаго этой фабрики, распространявшихъ книгъ преступнаго содержанія занимались двѣ женщины, называвшіяся Аннушкой. Эта Аннушка поражала свидѣтелей тѣмъ, что по наружному виду не принадлежала къ рабочему сословію. Когда она напималась на фабрику, то ей совѣтовали нарядиться въ горничныя, и только послѣ неотступной просьбы она была принята въ число работницъ. Послѣдшій на фабрикѣ, Аннушка посѣщала ночью мужики спалныя рабочицы, читала имъ книжки и, застигнутая за чтеніемъ книгъ, была выгнана изъ спальни, а потомъ отказалась отъ работы и ушла съ фабрики. Обвиняемая Бардина была признана за ту Аннушку, о которой идетъ рѣчь. Таковыя показанія свидѣтелей были на столько основательны, на столько дышали правдою, что подсудимая Бардина вынуждена была на судѣ сознаться въ томъ, что она действительно распространяла книги на фабрикѣ Лазарева, и вѣдѣстныя такого сознанія особое присутствіе признало не нужнымъ продолжать допросъ свидѣтелей по этому обвиненію. Затѣмъ распространеніе книгъ на фабрикѣ Носовыхъ подтверждается показаніемъ свидѣтеля Муханова, который былъ опрошенъ на судѣ. На эту фабрику, почти одновременно съ появленіемъ Бардиной у Лазарева, напали двѣ женщины, въ которыхъ Мухановъ призналъ Каминскую и Ольгу Люботовичъ; одна изъ нихъ жила подъ именемъ Паташъ, другая называлась Маріею. Каминская на фабрикѣ занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія, и тѣмъ-же способомъ, какъ и Бардина. Каминская, какъ уже сказано, была опознана при дознаніи, но не находилась теперь на судѣ, потому что впадала въ тяжкую болѣзнь, и дѣло о ней прекращено. Такимъ образомъ, распространеніе книгъ на фабрикахъ Шибасева, Горячева, Носова и Лазарева — Васильевымъ, Бардиновымъ, Бардиной, Каминской и Ольгой Люботовичъ вполнѣ доказано. Далѣе, тѣ-же самыя книги распространялись еще и на фабрикѣ Тюляевыхъ. По показанію свидѣтеля: Ермолаева, Платонова, Трофимова, Зотова и Игнатова, дѣло происходило такъ: разъ какъ-то къ Ермолаеву пришелъ родственникъ его, обвиняемый Филатъ Егоровъ, и познакомилъ его съ какою-то незнакомою личностью, называвшеюся Михайломъ; свиданіе это происходило въ трактирѣ, гдѣ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву нѣсколько книгъ преступнаго содержанія. Такія-же книги были переданы Платонову и Трофимову. Книги эти носили слѣдующія названія: «Сказка о четырехъ брать-

яхъ», «Что-то братцы и Богъ то Богъ». Словомъ, это были книги, характеристика которыхъ будетъ изложена вѣсколю позвѣе. Нѣкоторыя изъ полученныхъ книгъ свидѣтели читали рабочимъ, но убѣдился, что онъ преступнаго содержанія, частью сожгли ихъ, а частью спрятали на фабрикѣ Тюляева, гдѣ онъ и были найдены. Книги, заключающія въ себѣ преступное содержаніе, были переданы свидѣтелямъ обвиняемымъ Филатомъ Егоровымъ вмѣстѣ съ личностью, появившеюся въ трактирѣ и извѣстной подъ именемъ Михаила. При представленіи подсудимыхъ свидѣтелямъ, этотъ Михаилъ оказался обвиняемымъ Джабадаромъ, связъ котораго съ Егоровымъ, знакомство и распространеніе чрезъ него книгъ, возбуждающихъ къ бунту, будутъ изложены далѣе. Кромѣ распространения книгъ на тюляевской фабрикѣ, было обнаружено также же и на соколовской фабрикѣ. На этой фабрикѣ свидѣтели Павлову и Васильеву книги преступнаго содержанія были переданы обвиняемымъ Пашутинемъ Николаевымъ, скрывшимся съ фабрики и бросившимъ тамъ расчетъ и свои вещи немедленно послѣ обыска у рабочихъ этой фабрики. Независимо отъ всего сказаннаго, книги того-же рода были переданы на фабрику Рошфора Власу и Николаю Алексѣевымъ братьямъ ихъ, обвиняемымъ Петромъ Алексѣевымъ. Такимъ образомъ, въ силу сказаннаго, устанавливается несомнѣнно виновность Васильева, Бардинова, Филата Егорова, Пашутинъ Николаева, Петра Алексѣева, Каминской, Бардиной, Ольги Люботовичъ и Джабадаръ въ распространѣніи книгъ преступнаго содержанія на тѣхъ семи московскихъ фабрикахъ, которыя поименованы рабѣе.

Когда затѣмъ, по показанію Яковлева, были арестованы Васильевъ и Бардиновъ, въ жандармское управленіе явилась личность, которая интересовалась судьбою Васильева и пожелала обнаружить лицъ, которые побуждали его стать на преступный путь и заняться распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Это была свидѣтельница Скворцова, заявившая, что лица, сманивавшія Васильева съ работы и толкнувшія его на путь пропаганды, проживаютъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсака. Въ этомъ домѣ былъ произведенъ обыскъ, и при обыскѣ въ квартирѣ, напавшей на имя Бардиной, задержаны Бардина, Каминская, скрывшіяся съ фабрикъ: Николаевъ, Алексѣевъ, Джабадаръ, Чекоидзе, Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. Вся обстановка жизни въ домѣ Корсака указывала, что названныя лица жили именно въ этомъ домѣ, такъ какъ у нихъ найдено большое количество платяна, бѣлья и другихъ вещей, принадлежавшихъ тѣмъ, которые были задержаны тутъ. По показанію Скворцовой, задержанные въ домѣ Корсака, ранѣе переселись въ этотъ домъ, проживали у нея въ Сыроматникахъ, въ домѣ Костомарова. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ они поселились вмѣстѣ и начали заниматься однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, весьма ясно разрѣшается показаніемъ Скворцовой, по словамъ которой Васильевъ былъ простымъ рабочимъ и пользовался хорошимъ положеніемъ на фабрикѣ, считался лучшимъ рабочимъ. Передъ Рождествомъ 1874 года, въ Москвѣ появился обвиняемый Алексѣевъ, который посѣщалъ Н. Васильева, и съ этого времени характеръ Васильева измѣнился: онъ оставилъ работу, началъ посѣщать трактиры и исчезать съ фабрики. Скворцова нѣсколько разъ останавливала Васильева, но это не помогло, и онъ заявилъ ей, что перестанетъ работать на фабрикѣ, что они сплунутъ квартиру и возьмутъ къ себѣ на хлѣбнѣиковъ. На вопросъ Скворцовой, какимъ образомъ они, не имѣя средствъ и возможности, обставятъ квартиру, чтобы посвятить на хлѣбнѣиковъ и откуда возьмутъ денегъ на обзаведеніе — Николай Васильевъ отвѣчалъ, что средства на это дастъ новый его знакомый Михаилъ. И действительно Михаилъ — Джабадаръ, выдалъ деньги на покупку всего необходимаго. Покупали вещи Скворцова съ Васильевымъ — обвиняемымъ Георгіевскимъ; при выдачѣ денегъ принималъ участіе и Чекоидзе, котораго свидѣтельница знала подъ именемъ Федора. Слѣдуетъ замѣтить, что знакомство Николай Васильева съ Михайломъ и Федоромъ было сдѣлано не въ этотъ разъ; по объясненію Н. Васильева, занесенному въ обвинительный актъ, онъ ранѣе переѣзжалъ въ Сыроматники познакомиться съ Федоромъ и Михайломъ еще въ домѣ въ Москвѣ, урѣкой, чрезъ Петра Алексѣева, который свелъ его съ этими лицами. Едва успѣли поселиться эти лица въ Сыроматникахъ, къ нимъ явился другъ, о которыхъ Скворцову предупреждали, что приути нѣсколько женшинъ. И действительно, въ эту квартиру прибыли: Бардина, Каминская, Хоржевская, Ольга Люботовичъ, Фигнеръ и Александрова; всѣ эти лица жили подъ чужими именами. Такъ, Бардина называлась Аннушкой, Люботовичъ звали Наташей, Фигнеръ — Дуниашею, Александрова именовавшая Самей, Хоржевская — Осклушей, то-есть всѣ онѣ значились подъ тѣми-же именами, подъ которыми проживали на фабрикахъ, занимаясь распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Каминская, подъ именемъ Мани, жила на фабрикѣ Носова вмѣстѣ съ Люботовичъ, работавшей подъ именемъ Наташи; Фигнеръ извѣстна была на фабрикѣ Губеръ подъ именемъ Дуниши. Что эти лица были тѣ самыя, которыя проживали и на фабрикахъ, примымъ доказательствомъ

тому служить показаніе Скворцовой, которая не ошиблась въ прозвищахъ и указала именно на фабрики, гдѣ проживали уже извѣстныя личности. Тоже самое подтверждается и по отношенію къ Джабадару, который назывался Михайломъ, и къ Чекоидзе, котораго Скворцова называетъ Федоромъ. Кромѣ того, изъ переписки, найденной въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, оказывается, что въ этой перепискѣ Чекоидзе называется самими обвиняемыми Федоромъ; Хоржевская въ той-же перепискѣ носитъ имя Осклуши. Показаніе Скворцовой, слѣдовательно, подтверждается самими подсудимыми въ ихъ письмахъ другъ къ другу. Кромѣ этой переписки, при обыскѣ найдены еще фальшивые паспорта на имя Аннушки и Федора. Затѣмъ, кромѣ лицъ, уже указанныхъ, квартиру въ домѣ Костомарова посѣщали и другіе обвиняемые: Бардиновъ, Филатъ Егоровъ, а Ивановъ Ивановичемъ, посѣщавшимъ эту квартиру, оказался обвиняемый Лукашевичъ. Итакъ, домъ Костомарова въ Сыроматникахъ, а затѣмъ домъ Корсака составляли центръ, гдѣ собиралась группа пропагандистовъ, гдѣ болѣе цѣлостно изъ нихъ проживало и откуда шло распространеніе книгъ на нѣсколькихъ фабрикахъ. Что лица, жившія у Скворцовой, имѣли у себя значительное количество книгъ — это доказываетъ показаніемъ той-же Скворцовой, удостовѣряющей, что разъ какъ-то Федоръ, т. е. Чекоидзе, привезъ цѣлый чемоданъ съ книгами, и когда она передала объ этомъ Васильеву, то, по требованію послѣдняго, чемоданъ былъ увезенъ куда-то Михайломъ (Джабадаромъ). Обстоятельство это какъ нельзя лучше указываетъ на то, что Михайло и Федоръ суть одни изъ главныхъ лицъ, которыя снабжали остальныхъ подсудимыхъ книгами. Кромѣ того, къ обвиненію Джабадаръ въ снабженіи книгами другихъ служитъ показаніе подсудимаго Егорова, который, хотя на судѣ и отказался отъ него, но оно дано имъ при дознаніи и занесено въ обвинительный актъ; онъ тогда подробно разсказывалъ, когда, какъ и какою рода книги онъ получилъ отъ Джабадаръ, котораго зналъ лишь подъ именемъ Михаила. Всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи дома Костомарова въ Сыроматникахъ. Показаніе Скворцовой въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія и представляетъ собою полную картину того, что происходило въ этомъ домѣ. Она говоритъ, что жившія тамъ лица по своему разговору и отношеніямъ другъ къ другу не могутъ быть причислены къ простымъ рабочимъ; разговоръ ихъ былъ о томъ, что вѣрять въ Бога не слѣдуетъ, что богатые и бѣдные должны быть равными между собою и что этого можно достигнуть путемъ бунта. На вопросы защиты Скворцова отвѣчала, что разговоръ былъ именно о бунтѣ, такъ какъ говорилось, что Государя не нужно. Заподозривъ нахлѣбниковъ въ дурныхъ дѣлахъ, Скворцова сказала Наташѣ (Люботовичъ), что ее спрашивалъ какой-то господинъ; тогда въ компанію немедленно отъ нихъ переѣхала въ домъ Корсака. Не смотря на это, связь Н. Васильева и Скворцовой съ бывшими нахлѣбниками не порвалась. Н. Васильевъ посѣщалъ домъ Корсака, а Скворцова стирала на эту компанію бѣлье, что продолжалось до ареста какъ Васильева, такъ и лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корсака.

Далѣе товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ опредѣленію той роли, которую играли Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. По показанію Н. Васильева, Георгіевскій жилъ за Москвою-рѣкой вмѣстѣ съ Джабадаромъ и Чекоидзе. Когда подсудимые сняли квартиру въ домѣ Костомарова, то Георгіевскій съ Скворцовой ходили покупать все необходимое для новой квартиры на деньги, выданныя тѣми лицами, которыя въ настоящее время обвиняются въ распространѣніи книгъ преступнаго содержанія. Послѣ того Георгіевскій постоянно посѣщалъ квартиру въ домѣ Костомарова, жилъ на квартирѣ въ домѣ Кузьмина подъ именемъ простого рабочаго Василія Григорьева, по фальшивому паспорту, и арестованъ въ домѣ Корсака, въ квартирѣ тѣхъ-же пропагандистовъ, которые жили въ домѣ Костомарова. Связь Георгіевскаго съ компаніей въ домѣ Корсака устанавливается такимъ образомъ вполнѣ, и принадлежность его къ этому обществу становится несомнѣнною. Принадлежность эта еще болѣе доказывается письмами Георгіевскаго къ администраціи общества, найденными по обыску въ домѣ Толстой у кн. Цицѣлова и Цицѣлева. Письма эти представляютъ планъ побѣга изъ подѣ стражи для Георгіевскаго, по этому послѣднѣй говоритъ, что важнѣе всего дать возможность бѣжать Федору, т. е. Чекоидзе. На основаніи такихъ данныхъ товарищъ оберъ-прокурора обвинялъ Георгіевскаго въ принадлежности къ преступному сообществу и обратилъ вниманіе на то, что Георгіевскій не обвиняется въ распространѣніи книгъ. Георгіевскій далъ неправдоподобное объясненіе своего появленія въ домѣ Корсака и не могъ объяснить причину своего прѣизда въ Москвѣ.

Другой подсудимый, Лукашевичъ, также находился въ непосредственной связи съ лицами, жившими въ домѣ Костомарова. Онъ, бывшій студентъ технологическаго институтъ, какъ и Георгіевскій, проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ простого рабочаго и посѣщалъ домъ Костомарова, называясь ложно именемъ Ивана Ивановича. Вмѣстѣ съ Лукашевичемъ былъ взятъ и Агаповъ,

который заявилъ, на первомъ допросѣ, что онъ действительно проживалъ съ Лукашевичемъ, который тогда задержалъ себя Степаномъ Ивановичемъ, что онъ живетъ въ домѣ Федорова вмѣстѣ съ нимъ и что у Лукашевича хранятся книги преступнаго содержанія, изъ которыхъ онъ видѣлъ «Исторію французскаго крестьянина», «Парижская коммуна» и что одну изъ подобныхъ книгъ, а именно «Евangelіе Пугачева», Лукашевичъ читалъ ему, Агапову, съ цѣлью побудить его заняться распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія. На судебномъ слѣдствіи Агаповъ отъ этого показанія отказался, но оно подтверждается протоколомъ обыска, при которомъ на чердакѣ дома, гдѣ проживалъ Лукашевичъ, найдены книги, названныя Агаповымъ. Нахожденіе въ квартирѣ Лукашевича книгъ преступнаго содержанія ясно указываетъ на принадлежность его къ тому сообществу, о которомъ идетъ рѣчь и которое занималось распространеніемъ революціонныхъ идей. Остальныя задержанныя лица: Петръ Алексѣевъ, Пашутинъ Николаевъ, оказались тѣми рабочими, о которыхъ говорилось ранѣе и которые бѣжали съ фабрики послѣ того, какъ было обнаружено распространеніе на тѣхъ фабрикахъ книгъ именно этими рабочими.

Теперь необходимо посмотреть, откуда появились всѣ тѣ лица, которыя собрались на квартиру въ домѣ Костомарова и затѣмъ были задержаны въ домѣ Корсака. Простѣе, на основаніи документовъ, исторію появленія этихъ людей, особое присутствіе можетъ удостовѣриться, что главные обвиняемые и болѣе важная часть подсудимыхъ, за исключеніемъ Васильева, Бардинова, Агапова, Николаева и Егорова, никогда не жили въ Москвѣ. Они проживали сначала въ Петербургѣ, потомъ за-границей, какъ, напримеръ, Чекоидзе, Джабадаръ, Бардина, Каминская, Фигнеръ, Хоржевская и другіе. Эти лица въ концѣ 1874 года прѣехали изъ-за-границы, изъ Цюриха и Парижа, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ — Джабадаръ, скрывающійся изъ медико-хирургической академіи за дерзость, сдѣланную имъ по поводу отмычекъ на экзаменѣ, тотчасъ же послѣ исключенія изъ академіи, отправился за-границу и едва успѣвъ вернуться, какъ былъ задержанъ въ Москвѣ за распространѣніе среди народа преступныхъ книгъ. Другой получилъ образованіе въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ не кончивъ курса и вмѣстѣ съ Джабадаромъ и свидѣлемъ Дмитріевымъ, показаніе котораго было прочтѣно, отправился также за-границу. Это было въ 1874 году. Чѣмъ занимался Чекоидзе за-границею — видно изъ письма его Агапову, жившему на Кавказѣ, въ которомъ Чекоидзе говоритъ о распространѣніи книгъ революціоннаго содержанія среди народа, пишетъ объ отпавѣ этихъ книгъ на Кавказѣ, указывая при этомъ, что онъ изутъ изъ-за-границы; что за-границею есть большое число лицъ, которыя занимаются притогованіемъ книгъ преступнаго содержанія для распространенія ихъ въ народѣ. Изъ этого небольшого разказа особое присутствіе убѣдится, въ какомъ настроеніи Чекоидзе отправился за-границу осенью 1874 года, и станетъ яснымъ, почему Чекоидзе, вернувшись въ февралѣ 1876 года, прѣехалъ прямо въ Москву на пропаганду. Затѣмъ Бардина, Ольга Люботовичъ и Александрова вернулись осенью 1874 года вмѣстѣ изъ-за-границы, причемъ и багажъ у нихъ былъ общій. Фигнеръ вступилъ оттуда-же въ началѣ 1874 года, а Хоржевская около Рождества того-же года. Такимъ образомъ, всѣ эти лица собрались въ Россію въ началѣ 1875 года появляются въ домѣ Костомарова и играютъ роль распространителей книгъ преступнаго содержанія. Очевидно, что лица эти возвращались изъ-за-границы уже съ предвѣстной цѣлью заняться пропагандой по извѣстному плану, и по прѣиздѣ этотъ планъ осуществился.

Сдѣлавъ небольшой перерывъ. Первоприсутствующій сдѣлалъ замѣчаніе, что по времени товарища оберъ-прокурора, кто-то изъ подсудимыхъ позволялъ себѣ сдѣлать какое-то возраженіе, вслѣдствіе чего первоприсутствующій предупредилъ подсудимыхъ, что если еще разъ повторится подобная выходка, то онъ приметъ самыя строгія мѣры къ обузданію этой дерзости.

Товарищъ оберъ-прокурора, окончивъ изложеніе обстоятельствъ, касающихся первой группы подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ распространѣніи книгъ преступнаго содержанія на московскихъ фабрикахъ, по возобновленіи засѣданія сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этой категоріи лицъ и къ тому, откуда и какъ прибыла въ Москву болѣе важная часть подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи обвинитель высказалъ, что Георгіевскій и Лукашевичъ не могутъ быть причислены къ лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, такъ какъ они воспитывались и жили въ Петербургѣ. Изъ крестьянъ, преданныхъ суду въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, Алексѣевъ принадлежалъ къ рабочимъ Петербурга, гдѣ и проживалъ до Рождества 1874 года; въ это время онъ появляется въ Москвѣ и можетъ быть названъ первымъ распространителемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ. Такія книги, при посредствѣ Алексѣева, были доставлены на фабрику Шибасева и Горячева, и Алексѣевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы познакомить лицъ, поселившихся въ домѣ Ко-

который заявилъ, на первомъ допросѣ, что онъ действительно проживалъ съ Лукашевичемъ, который тогда задержалъ себя Степаномъ Ивановичемъ, что онъ живетъ въ домѣ Федорова вмѣстѣ съ нимъ и что у Лукашевича хранятся книги преступнаго содержанія, изъ которыхъ онъ видѣлъ «Исторію французскаго крестьянина», «Парижская коммуна» и что одну изъ подобныхъ книгъ, а именно «Евangelіе Пугачева», Лукашевичъ читалъ ему, Агапову, съ цѣлью побудить его заняться распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія. На судебномъ слѣдствіи Агаповъ отъ этого показанія отказался, но оно подтверждается протоколомъ обыска, при которомъ на чердакѣ дома, гдѣ проживалъ Лукашевичъ, найдены книги, названныя Агаповымъ. Нахожденіе въ квартирѣ Лукашевича книгъ преступнаго содержанія ясно указываетъ на принадлежность его къ тому сообществу, о которомъ идетъ рѣчь и которое занималось распространеніемъ революціонныхъ идей. Остальныя задержанныя лица: Петръ Алексѣевъ, Пашутинъ Николаевъ, оказались тѣми рабочими, о которыхъ говорилось ранѣе и которые бѣжали съ фабрики послѣ того, какъ было обнаружено распространеніе на тѣхъ фабрикахъ книгъ именно этими рабочими.

Теперь необходимо посмотреть, откуда появились всѣ тѣ лица, которыя собрались на квартиру въ домѣ Костомарова и затѣмъ были задержаны въ домѣ Корсака. Простѣе, на основаніи документовъ, исторію появленія этихъ людей, особое присутствіе можетъ удостовѣриться, что главные обвиняемые и болѣе важная часть подсудимыхъ, за исключеніемъ Васильева, Бардинова, Агапова, Николаева и Егорова, никогда не жили въ Москвѣ. Они проживали сначала въ Петербургѣ, потомъ за-границей, какъ, напримеръ, Чекоидзе, Джабадаръ, Бардина, Каминская, Фигнеръ, Хоржевская и другіе. Эти лица въ концѣ 1874 года прѣехали изъ-за-границы, изъ Цюриха и Парижа, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ — Джабадаръ, скрывающійся изъ медико-хирургической академіи за дерзость, сдѣланную имъ по поводу отмычекъ на экзаменѣ, тотчасъ же послѣ исключенія изъ академіи, отправился за-границу и едва успѣвъ вернуться, какъ былъ задержанъ въ Москвѣ за распространѣніе среди народа преступныхъ книгъ. Другой получилъ образованіе въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ не кончивъ курса и вмѣстѣ съ Джабадаромъ и свидѣлемъ Дмитріевымъ, показаніе котораго было прочтѣно, отправился также за-границу. Это было въ 1874 году. Чѣмъ занимался Чекоидзе за-границею — видно изъ письма его Агапову, жившему на Кавказѣ, въ которомъ Чекоидзе говоритъ о распространѣніи книгъ революціоннаго содержанія среди народа, пишетъ объ отпавѣ этихъ книгъ на Кавказѣ, указывая при этомъ, что онъ изутъ изъ-за-границы; что за-границею есть большое число лицъ, которыя занимаются притогованіемъ книгъ преступнаго содержанія для распространенія ихъ въ народѣ. Изъ этого небольшого разказа особое присутствіе убѣдится, въ какомъ настроеніи Чекоидзе отправился за-границу осенью 1874 года, и станетъ яснымъ, почему Чекоидзе, вернувшись въ февралѣ 1876 года, прѣехалъ прямо въ Москву на пропаганду. Затѣмъ Бардина, Ольга Люботовичъ и Александрова вернулись осенью 1874 года вмѣстѣ изъ-за-границы, причемъ и багажъ у нихъ былъ общій. Фигнеръ вступилъ оттуда-же въ началѣ 1874 года, а Хоржевская около Рождества того-же года. Такимъ образомъ, всѣ эти лица собрались въ Россію въ началѣ 1875 года появляются въ домѣ Костомарова и играютъ роль распространителей книгъ преступнаго содержанія. Очевидно, что лица эти возвращались изъ-за-границы уже съ предвѣстной цѣлью заняться пропагандой по извѣстному плану, и по прѣиздѣ этотъ планъ осуществился.

Сдѣлавъ небольшой перерывъ. Первоприсутствующій сдѣлалъ замѣчаніе, что по времени товарища оберъ-прокурора, кто-то изъ подсудимыхъ позволялъ себѣ сдѣлать какое-то возраженіе, вслѣдствіе чего первоприсутствующій предупредилъ подсудимыхъ, что если еще разъ повторится подобная выходка, то онъ приметъ самыя строгія мѣры къ обузданію этой дерзости.

Товарищъ оберъ-прокурора, окончивъ изложеніе обстоятельствъ, касающихся первой группы подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ распространѣніи книгъ преступнаго содержанія на московскихъ фабрикахъ, по возобновленіи засѣданія сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этой категоріи лицъ и къ тому, откуда и какъ прибыла въ Москву болѣе важная часть подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи обвинитель высказалъ, что Георгіевскій и Лукашевичъ не могутъ быть причислены къ лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, такъ какъ они воспитывались и жили въ Петербургѣ. Изъ крестьянъ, преданныхъ суду въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, Алексѣевъ принадлежалъ къ рабочимъ Петербурга, гдѣ и проживалъ до Рождества 1874 года; въ это время онъ появляется въ Москвѣ и можетъ быть названъ первымъ распространителемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ. Такія книги, при посредствѣ Алексѣева, были доставлены на фабрику Шибасева и Горячева, и Алексѣевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы познакомить лицъ, поселившихся въ домѣ Ко-

стомарова, с рабочими на московских фабриках. Между прочим, Алексеев с своей стороны содействовал знакомству рабочих с Федоровым, Васильевым и Михаловым; он же содействовал тому, чтобы книги преступного содержания распространялись между рабочими теми лицами, с которыми свелось знакомство. Что касается распространения книг в деревнях Терновской, то дело это заключается в том, что Федор Егоров, приходивший в деревню с Евселиновым, передавал там три книги, находящиеся при дьяке, и когда возникло дознание, то Егоров был признан за зло, доставившее эти книги. Забыл товарищ обер-прокурора сказать, что, не смотря на значительное количество фабрик, на которых распространялись книги преступного содержания, в большинстве случаев находится вообще письма, мало крестьян на скамьях подсудимых. По показанию свидетелей, большинство рабочих относилось несочувственно к идеям пропагандистов и книжкам, распространенным ими. Наглядным доказательством тому служат те обстоятельства, что почти все дьяки начали по указанию и доносам самих крестьян, получивших от обвиняемых преступных книг. Тем не менее, нельзя не заметить, что в числе рабочих на фабриках были и такие, которые относились хотя и не вполне сочувственно к пропаганде и содержанию распространенных между ними книг, но все-таки неохотно давали показания под дулом; другие же укрывали лица, распространявших книги. На подобном роде явнение следует обратить внимание и остановиться на нем в интересах общественности.

Из числа привлеченных к делу лиц за распространение книг на фабриках, некоторые были обнаружены еще при дознании, происходившем в апрель месяце. Это дознание представляло такого рода данные, которые не указывали еще вполне на развитие дела пропаганды, не указывали на то, чтобы лица, привлеченные в качестве подсудимых, составляли непосредственно тайное сообщество и приехали в Москву для того, чтобы распространять книги. Из протоколов апрельского дознания видна некоторая связь с теми дьяками, которые производились в 1874 г., и особое присутствие может быть в том из постановлений, по которому апрельское дело было присоединено к дознанию 1874 года. Затем, в августе месяце 1875 года были обнаружены новые общины в Иванов-Вознесенск, Туль и Киев, и установилась уже прямая связь между лицами, пропагандировавшими в Москве, с общинами, открывшими свою преступную деятельность в Иванов-Вознесенск, Туль, Киев и Одессе. Все лица, участвовавшие в этих общинах, слились в одно целое, правильно организованное сообщество. В августе месяце 1875 года, в Иванов-Вознесенск возникло новое дознание, которое обнаружало новую группу лиц в Иванов-Вознесенск, занимавшихся распространением книг преступного содержания. Из допроса свидетеля Букова, у которого была найдена «Сказка о четырех братьях», видно, что книга эта была получена в дом, где проживали «неумные московские тупицы». Был произведен обыск, причем оказалось, что в комнате в 6 в. аршин жили вместе четыре женщины и трое мужчин. Все эти лица имели вид простых рабочих и старались не выделиться от остальных рабочих; как женщины, так и мужчины ходили в русском платье, сами готовили себе пищу, носили воду и исполняли все черную работу. Это сообщество состояло из молодых, образованных девушек с простыми рабочими, находившие у них 245 книг преступного содержания, на ряду с обыкновенным, при которой они жили, и значительную для рабочих сумму денег, у них найденных, большое количество шпорок, переписки и положек на знание документов, — все это прямо указывало, с чем приходилось иметь дело. При обыске в Иванов-Вознесенск не все задержанные лица открыли свои знания; один из них назывался именем, под которым жили на фабриках, другие назывались буквами А, Б, а одна из женщин — бродягой, непомнящей родства. В числе задержанных в Иванов-Вознесенск оказались лица, жившие раньше в Москве в доме Косомарова и работавшие на московских фабриках, а именно: Фигнер, Александрова, Агапова. Обвиняемые по Ивановской группе: Фигнер, Александрова, Агапова и Александров признали себя Ивановыми в том, что приехали в Иванов с целью распространения книг преступного содержания, и действительно их распространяли на ивановских фабриках, а потому, не останавливаясь на определении виновности указанных лиц, товарищ обер-прокурора приступил к изложению объяснения о преступной пропаганде Топоркова и Баранова. Эти лица отрицают свою виновность в принадлежности к преступному сообществу и объясняют появление своего среди фабричного населения Иванов-Вознесенска случайными обстоятельствами. Топоркова говорит, что, зная Фигнера еще за границей, она встретила с ним в Петербурге. В разговор с Фигнером Топоркова выразила ей желание поблизе познакомиться с рабочим вопросом, на что Фигнер и предложил ей поехать в Иванов и поступить простой кухаркой в какую-либо рабочую артель. Топоркова исполнила совет Фигнера и таким обра-

зом попала в дом Кисина, где и была арестована. Насколько показание Топоркова согласно с обстоятельствами дела, можно видеть из следующего: Топоркова находилась в весьма близких отношениях с семейством Субботных, с которыми и на их средства она уехала за границу и проживала в Цюрихе. Затем Топоркова является первой из обвиняемых в Иванов-Вознесенск в сопровождении Агапова и Александрова, прибывших, по их собственному показанию, с целью пропаганды. Совместный приезд всех этих лиц доказывается показанием свидетеля Семенова, при содействии которого была найдена на имя Топорковой квартира, и по рекомендации которого Агапов и Александров поступили на фабрику. Едва только Топоркова с товарищами устроилась в Иванов, как туда приезжали Фигнер и Александров, причем, по показанию Агапова, с появлением Фигнера и Александрова явились книги, которые потом уже начали распространять среди рабочих ивановских фабрик и были отобраны при обыске. По удостоверению того же Агапова, хозяйкой в их квартире была Топоркова, деньги же хранились и расходовались Фигнер, и ей обязаны были отдавать члены этой общины все заработанные деньги. Кроме того, все переписка с лицами, жившими в доме Кисина, адресовалась на имя Топорковой, а некоторые письма написаны несомненно к самой Топорковой. Из этих писем оказывается, что Топоркова не была просто кухаркой, как она говорит, но принимала в преступной деятельности такое же участие, как и все остальные. Лучшим доказательством тому служит письмо Евгения Субботного к Анне Топорковой. Затем Топоркова участвует в распространении книг среди рабочих, доказательством чему служат показания Жарковского, который утверждает, что получил от Топорковой «Хитрую механику», «Парижскую коммуны» и газету «Вперед». Жарковский указал при этом место, где были спрятаны книги. На судебном заседании подсудимая Фигнер заявила, что эти книги передала Жарковскому не Топоркова, а его, Фигнер; что она, завернув их в бумагу, просила Топоркову передать сверток Жарковскому. Но это объяснение Фигнер вполне противоречит показанию Жарковского. Таким образом, обстановка, при которой Топоркова появилась в Иванов, обстановка жизни пропагандистов в доме Кисина, показания свидетелей и отобранная переписка вполне доказывают, что Топоркова не только принадлежала к общине пропагандистов, поселившихся в Иванов, но и сама распространяла книги преступного содержания. О распространении таких же книг обвиняемыми Барановым много говорит не для чего. Факт этот удостоверен категорически свидетелями-рабочими зубовской фабрики. Кроме лиц, задержанных в Иванов-Вознесенск, о которых уже сказано, была задержана там же еще одна труппа, отбывавшая простое русское платье, как это удостоверяет протокол обыска. Женщина эта, назвавшаяся бродягой Екатериной Петровой, пришла в Иванов-Вознесенск за несколькими днями до обыска. Она оказалась в том же общине, где находилась Топоркова, причем самый брак оказался, по выражению обвиняемых, фиктивным. Приезд в Иванов Екатерины Гамкрелидзе сопровождался следующими обстоятельствами.

О приезде Екатерины Гамкрелидзе в Иванов были предупреждены лицами, жившими в Москве. Из Москвы писали, что было и книги присылают с Катей, с нею же община просит и рукопись «Экспедиция Шева Жанардана». Затем, в другом письме сообщается, что Катя давно уехала в Иванов от Гамки. С другой стороны из Иванов писали в Москву и просили Катю, имеющую к ним приехать, исполнить до приезда поручения знакомого Рыжого. Исследовав Екатерину Гамкрелидзе, появляется в Иванов, проживает в д. Кисина, и в это время дом, в числе документов, отобранных рукою, которую должна была привести Катя. Очевидным становится, что Екатерина Гамкрелидзе есть именно та Катя, которую ожидали в Иванов из Москвы, и это обстоятельство служит несомненным доказательством принадлежности Екатерины Гамкрелидзе к общине пропагандистов. Совершенно упустил, ранее изложенных, образ действий пропагандистов, способ распространения ими книг преступного содержания, сношения их с лицами, живущими в других городах Империи, установили полную связь между лицами, жившими в Иванов, и пропагандистами, действовавшими в то же время в Туль и Москве. Это доказывают еще более документами, найденными в Иванов. В доме Кисина были отобраны различные документы и переписка, являющая весьма серьезное значение для дела. В этих письмах лицам, живущим в Иванов-Вознесенск, сообщается также о ходе пропаганды среди рабочего населения других местностей; указывается на то, чем занимаются отдельные личности в Туль, Киев и Одессе; дается отчет о положении одесской и тульской общины; говорится о том, что лица, проживающие в Туль в качестве пропагандистов, действуют преступно; не смотря на то, что почва для пропаганды в Туль преступна, рабочим на одной революционной книге не читали, а затем требуется согласие ивановцев на принятие

в общество нового члена — Санчо — князя Цицианова.

Таким образом, непосредственная связь обвиняемых ивановской группы с лицами, составлявшими общины в Туль и Киев, и с администрацией сообщества в Москве, устанавливается вполне и доказываются несподручными показаниями, а собственными письмами обвиняемых.

Теперь письма доказывают и существование организованного сообщества. Письмо 19-го июля представляет ивановцам прием в организацию нового члена, а приписка к тому письму от 26-го июля написана лицом, состоящим в администрации и не желающим служить в этой же должности далее срока, указанного в программе устава, которым должны руководствоваться члены организации. Письму этому нельзя не придать особенного значения, а вопрос о том, откуда этот документ находится и кем он написан, будет разбираться впоследствии, когда будут разбираться действия лиц, проживавших в Москве и составлявших администрацию сообщества.

Дальнейшие подробности товарищ прокурора признает излишними, так как все им приведенное достаточно доказывает как виновность лиц, проживавших в Иванов-Вознесенск, в распространении книг преступного содержания, так и в принадлежности их к одному преступному, организованному сообществу.

Перерыв на 1/2 часа.

Излагаю обстоятельства дела, касающиеся обвиняемых, задержанных в Иванов-Вознесенск, и обращаю внимание на документы и переписку, которые были у них отобраны, товарищ обер-прокурора выставлял, что он уже имел случай указать, что в письме от 19-го июля устанавливается непосредственная связь между Иванов-Вознесенском и Москвою с одной стороны и с лицами, проживающими в Туль и Киев — с другой. Говоря об Одессе, автор этого письма утверждает, что из его организации вышло два лица, обозначенные в письме буквами, по ким эти Иван и Соня — дознание не обнаружено. В письме выражается, что эти лица, войдя в какую-либо другую шайку, перестанут себя Злобина, живущего в Туль, и что таким образом Тула легко может уйти из рук, а этого допускать не следует. По дознанию в Туль оказалось, что действительно на оружейном заводе, в качестве простого работника, работавший бывший студент технологического института, Злобин. По показанию рабочих пудского завода, Злобин, хотя и не входил с ними в какие-либо преступные беседы, по тем не менее снабжал их книгами, не принадлежащими к числу тех книг, которых распространение преследуется законом, но избивший подбор коих указывать на цель, преследуемую Злобиным, причем все эти книги оказались запрещенными, изъятными из обращения. Не смотря, однако же, на то, что Злобин не распространял книг преступного содержания, товарищ обер-прокурора полагает, что он вполне изобличается в принадлежности к тем лицам, которые составляли преступное сообщество в Иванов-Вознесенск и Москве: доказательством тому служат письма 19-го июля, в котором Злобин прямо назван членом сообщества, и письма, поданные в Туль после ареста Злобина на его имя. В одном из этих писем, написанном в письме за приездом обвиняемого из Киев в Туль, Злобина спрашивают о том: «приехали ли, которых он знает», а в другом просят сообщать об адресе «сестрицы Ольги». Оба письма из Киев, и одно из них писано обвиняемым по киевской группе, Малецким, другое — Хоржевской. Все лица, как это выяснено далее, приезжающие на тула на пропаганду, направлялись прежде всего к Злобину и по его указаниям разыскивают и товарищей. После ареста Злобина, по политической принадлежности Тулы являлся лицом неизвестной личности, о существовании которой в Туль никто не подозревал — подсудимый Ковалев. Он занимал позицию, что в Туль существует целое общество пропагандистов, которое уже преступило к распространению книг среди рабочего населения города Тулы. Этот Ковалев явился с повинною по собственному побуждению: здесь же на суде отнимает у особого присутствия возможность отнестись к нему снисходительно, отказываясь от всех благоприятных для него последствий явки с повинной, и говорит, что показание, которое он дал при дознании, есть ложь и было им дано по обещанию награды в 12,000 рублей. При каких обстоятельствах Ковалев явился с повинной — видно из показаний свидетеля Матвеева. Ковалев обратился к Матвееву, рассказывая ему о тех преступных замыслах, о которых он слышал среди общества, где он живет. Матвеев с своей стороны стал доказывать невозможность какого-либо «бунтовского» движения среди рабочих в России, и посоветовал Ковалеву заявить обо всем правительству. Ковалев колебался и потом обратился к Матвееву с вопросом, не дадут ли ему за его открытие рублей 1,000, а когда Матвеев сказал, что за такое показание осыплют Ковалена наградами, то Ковалев и отправился заявить о всем полиции. Служебным, объявляя 12,000 р. проследило от Матвеева, который не имел никаких отношений к кому-либо из лиц, принадлежащих к правительству.

В виду отказа Ковалева от сознания и что он сам привлечен к делу — к его показанию надо относиться осторожно, полагая его обстоятельными дья. Следуя этим путем, имея никакой возможности отказаться от искренности первого показания Ковалева, потому что каждое заявление его, сделанное в Туль, подтверждается безусловно дознанием в Киев, и в доказательствах тому нет недостатка. Ковалев, являясь в полицейское управление, во-первых, указав на таких лиц, о существовании которых никто не подозревал. Ковалев дает свое показание с такою подробностью, что почти каждое слово его подтверждается путем дознания; а это возможно только тогда, когда показание справедливо и согласно с истиной. Итак, Ковалев прежде всего указал при дознании, что в дом, где проживает Иван Махоткин, собирается несколько лиц, принадлежащих к тем, которые занимаются пропагандой революционных идей в Туль. Вследствие этого был произведен обыск, и в квартире Махоткиной, при обыске почти такой же, как в Иванов-Вознесенск, была арестована Махоткина, два брата Едуковы, Фетисов и Сидорак; во время обыска успели скрыться Сидоренко и Петров. Затем, в квартире этой найдены вещи, принадлежащие арестованным лицам, и книги преступного содержания. У самой Махоткиной отобрано шпорок письмо на имя акушерки Гельман в Киев. В этом письме говорится о Ковалеве, как о личности, для пропагандистов крайне опасной, и советует переменить в Киев квартиру. Таким образом, обстановка квартиры и найденными в ней вещественными доказательствами вполне устанавливается значение этой квартиры и лиц, ее занимавших. Затем, по показанию Ковалева, поселившись в Туль лица прибыли из Киев, откуда прибыли и они вместе с Петровым, причем они посажены были в кибитку Марией, при содействии Михаила, Прохора и офицера Петра. Им был дан адрес, где они могут найти других сотоварищей в Туль, и адрес этот оказался адресом Злобина. Далее, по показанию Ковалева, первая квартира, где занимались пропагандисты и лица, принадлежащие к преступному сообществу, была квартира в доме Куракова, у обвиняемого Фетисова. Одновременно с письмами 19-го июля, говорилось о необходимости усилить пропаганду в Туль; Фетисов появляется на тульских фабриках и имеет близкие сношения с Злобиным. Все обвиняемые, собиравшиеся в Туль, посещают квартиру Фетисова, заираются в отдельную комнату, читают запрещенные книги и на этих собраниях увлекаются в свою среду рабочих, потом Едуковых. Свидетель Дорогов, удостоверяя существование этих собраний, доказывает, что и его склонял Фетисов сойтись с ним, утверждая, что этим путем Дорогов выйдет из того бедного положения, в котором они находились. Дорогов сначала посещал этих лиц, но потом отказался от знакомства с ними. При этих разговорах находились Иван и Николай Едуковы, которые потом и были задержаны при обыске в квартире Ольги Любатович и где они вели читали лицам, посещавшим Махоткину, «Хитрую механику». Сама Любатович, как оказалось по справкам, в виду которых обвиняемая сама признала этот факт, пришла из Киев с Петром Сидоренко и проживала ранее сего в Одессе в доме Тиханова. Сидоренко назывался, по показанию Ковалева, Иванов. Таким образом, предположение письма 19-го июля, об усилении тульской общины Ольгой и Ванюшей осуществилось, и показание Ковалева о принадлежности этих лиц к киевской группе снова подтвердилось. Ковалев утверждает при дознании, что книги преступного содержания распространялись в Туль Ольгой Любатович. Свидетель Матвеев подтверждает такое показание. Он утверждает, что Ковалев, передавая ему «Хитрую механику» и «Сказку о четырех братьях» говорил, что получил эти книги из квартиры Марии и что там есть целый чеподан с книгами. По обыску у Любатович был действительно найден sack-вожак с книгами такого рода. Остается сказать несколько слов о двух обвиняемых, Сидорак и Кураков. Сидорак приехал из Киев, где среди членов киевской общины его видела Ковалев. По приезде в Туль, Сидорак уехал с Фетисовым на пропаганду в село Панино. Заявление это сделано Ковалевым тогда, когда он еще не знал, что Сидорак и Фетисов уже возвратились в Туль. Доказано, что оба эти лица были задержаны у Махоткиной в день своего возвращения из Панино в Туль. Сидорак посещался в Киев в военное училище, ему только шестнадцать лет, и он является мальчиком, обитым с толку теми лицами, с которыми он пришел в столкновение в Киев. Под влиянием этих лиц, Сидорак вздумал бывать в тульского дома и входить в Туль. Для этого получил подложный паспорт на имя Зайцева от подсудимого Григория Александрова. Прибыв в Туль, Сидорак поселился с Фетисовым и затем вместе с ним отправился в село Панино, где с Фетисовым и поступил рабочим на сахарный завод. Сюда же в Панино, несколько времени спустя, приезжал срывавший от дознания Герасим Петров. Замечательно, что Петров приехал в Панино к Фетисову, не смотря на

то, что не знал его даже в лицо. Все три пропагандиста поселились вместе. Присутствие в распространении книг им не удалось. Фетисов пробыл в Панино несколько дней, сказав в Панино «Сказку о четырех братьях», но увидев несочувствие рабочих к таким рассказам, и убавившись в беззаботности своего пребывания в сел Панино, все трое через несколько же дней возвратились в Туль и явились в квартиру Любатович — Махоткиной, перед самым обыском.

По отношению к Сидорак и товарищ обер-прокурора высказал, что в виду молодости этого подсудимого, Правительствующему Сенату придется поставить вопрос о полном разумии Сидорака, разбирание которого вполне зависит от особого присутствия; но обвинитель с своей стороны думает, что, принимая во внимание обстоятельство дела, было бы справедливо признать его действовавшим без полного разумия, т.е. признать, что Сидорак по слабому развитию умственных способностей не мог отдавать себе полного отчета в том, что он делает, чего он желает. Кроме лиц, о которых было уже сказано, привлечен к ответственности мещанин Кураков, хозяйка того дома, в котором жил Фетисов и где происходили сходки. Основанием к тому служило показание Ковалева, утверждавшего, что пропагандист Кураков принадлежал к тому же сообществу, членами которого состояли Ковалев и все остальные обвиняемые. Ковалев удостоверяет, что Куракову хорошо была известна деятельность Фетисова и его, Ковалева; что Ковалев говорил Куракову о том, для чего он прислан из Киев, а что Кураков хвалил наивернее этих лиц возбудить народ к бунту. Затем, после того как Ковалев сделал заявление в полицейском управлении, Кураков будто бы упрекал Ковалева за это и говорил, что он напрасно это сказал, что людей с такого рода идеями очень много, и сколько их ни сажай, их все-таки останется столько, что они будут в состоянии добиться того, чего хотят. Такое показание Ковалева было подтверждено при дознании и показанием свидетеля Матвеева. На суде свидетель Матвеев не подтверждал разсказа Ковалева; этот свидетель говорит, что, встретив с Кураковым в качестве попутного, последний упрекал не Ковалева, а его, Матвеева, за то, что он посоветовал Ковалеву сделать донос в полицию, причем не выражал своего сочувствия пропаганде, а говорил только, что Матвееву не для чего было в это дело вмешиваться. Хотя и это показание доказывает, что Кураков не был чужд лицам, занимавшимся в Туль преступной пропагандой, но настаивать долго на принадлежности Куракова к сообществу, товарищ обер-прокурора не признавал нужным, но указал на то, что во всяком случае на Куракова несомненно падает обвинение в знании о совершаемых преступлениях Фетисовым и лицами, его посещавшими, и в недонесении о том правительству.

Заявляя о существовании в Туль общества людей, занимающихся распространением среди рабочих книг преступного содержания и революционных идей, Ковалев доказал, что он в Герасим Петров, как уже сказано выше, были присланы в Туль из Киев, причем он указал на кибитку Марию, офицера Петра, Михаила и Прохора, как на лиц, которые занимались пропагандой и распространением книг между рабочим населением города Киев.

Показание Ковалева подтвердилось и по отношению к указанным им лицам. У Махоткиной, как это уже указано было, отобрано письмо на имя акушерки Гельман. По обыску в Киев у Гельман ничего преступного найдено не было, но зато в ее квартире было арестовано три лица: мужчина, назвавшийся Михаилом Петровым, другой, оказавшийся во-судствием Прохором, и женщина Мария Горюхинова (обвиняемая княгиня Цицианова-Хоржевская), т.е. те самые Михаил, Прохор и княгиня Мария, названные еще в Туль Ковалевым. Подробным дознанием, произведенным в Киев обо всех этих лицах, установилась между ними взаимная связь, и показание Ковалева подтвердилось во всей подробности. Взаимная связь этих лиц доказана взаимными их знакомствами, посещением всеми этими лицами квартиры Гельман, а равно и квартиры, где жили Воронин и Хоржевская. Квартира Гельман имеет для дела особенное значение. На имя Гельман шла из Киев и в Киев вся переписка с лицами, находившимися в других городах и составлявших отдельные общины. Так, письмо Любатович было адресовано в Киев, на имя Гельман, с передачей Вире Габовой. Делепа Надежда Субботной под именем Аристарховой из Одессы и е-же письмо, под именем Воейковой, из Одессы в Москву, точно также адресованы на то же имя. Гельман объясняет получение этих писем тем, что она их передавала лицам, ей совершенно неизвестным. Объяснение это опровергнуто самими обвиняемыми.

(Правительств. Вестник).

(Продолж. будет).